

Линза

— Ну вот и всё. Кривится рот
в улыбке глупой
от страшной Правды, что растёт
под крупной лупой.

Ах, сколько в детстве я перил
испортил линзой!

Луч солнца бы испепелил
растущий призрак.

Но солнца нет. Она растёт—
блоха в цилиндре.

Лишь бегство от неё спасёт...

— Как не солидно!

Ведь ты же сам хотел меня.

Я—Правда. Знаю.

Сам на себя теперь пеняй.

— Уже пеняю.

(Певичкою из кабаре

в одном капроне

сидит, готовая «согреть»

и... к обороне.)

— Ну, задавай извечный свой
вопрос-подсказку:

«Кто я?» Не слышу.

— С глаз долой...

— Долой?... Повязку?

— Пошла.

— Уйду, но заплати

за ложный вызов,

а нечем— дай мне унести

с собою линзу.

(Я отдаю. Она глядит

огромным глазом

через стекло).

— Как ты, пиит,

стал мелок сразу,

а я-то, дурочка, тряслась,

как недотрога.

Я думала: такая страсть

равняет с Богом,

а ты... и линзу мне отдал,

и жмёшься в угол...

Прощай, но знай, что я всегда

к твоим услугам.

Художник, я устал от вечного эрзаца.
Подмены не заметит чей-то глаз,
но я-то вижу: я во лжи погряз,
я вижу—мне не может показаться...

...уже невежды у картин толпятся...

Художник, идеал неуловим,
как шар воздушный с ниточкой всячей,
а я, вприпрыжку скачущий за ним,
в который раз, как мальчик, одурачен.

Фу, жизнь, фу,
не напирай пустотой,
не умещаясь в строфу,
пой
раковиной морской.

Сколько в тебе голосов,
кораблекрушений и жертв!
Слыша твой вечный зов,
кровь идёт из ушей.

В сумрак вцепился рукой,
словно в кулисы актёр.
Страшен мне час ночной,
вор
и ночной дозор.

С кем я останусь сейчас?
(Хоть бы случайный гость!)
В этот ночной час—
связь,
если даже врозь.

Знаю, поэт всегда
при смерти (пусть молодой).
Сдвоенная пустота
жизни и смерти, пой,
пой
раковиной морской.

.....

1. Стихи из архива
Юрия Беликова.

Она пришла с улицы
шелестя прохладой одежды
и тут же закидала меня цветами

я кинулся собирать их
чтобы вернуть
и выставить её за дверь

я хватал цветы с полу
я срывал их с головы вместе с волосами
и всовывал в её руки—
она заново разбрасывала цветы!

я опять кидался их собирать,
чтобы вернуть ей
и выставить её за дверь

но подняв голову
услышал мелодию сладострастья
которую она играла
на флейте своих пуговиц

она разбрасывала свою одежду
я поднимал одежду
чтобы её укрыть

и это повторялось бесконечно

я выбился из сил
я опустился на диван

и тут же был затоплен
цветами и лучами её тела

я её ненавидел

я ненавидел этот
высоко выгнутый под небом мостик
по которому она пришла ко мне

заявлялись друзья
она садилась им на колени
как гитара
показывая мне
какие из неё можно извлекать мелодии
когда имеешь слух
и нежные пальцы

наконец она ушла

я крался за ней до мостика
и следил
пока она с него не сойдёт

я поджёт его
и вернувшись домой
обессиленно рухнул на диван

утром проснулся в золе

огонь с мостика
перекинулся на мой дом

наконец-то,— подумал я,—
она больше сюда не придёт

Хоругвь

Не помню я её лица...

Она, ложась ко мне на спину,
дремала весь урок, пока
река не прорвала плотину.
Ленивых два ученика,
мы встали, чтобы видеть, как
волна идёт к нам по степи,
и побежали, чтобы место
уроков водам уступить.
Я ей кричал: «А интересно,
какой здесь век? (Не знать—позорно.)
Не может быть, чтобы двадцатый!..
Гляди, кругом бегут в камзолах...»
Но тут, увидев пса, с досадой
я в реку забежал... Ну, здравствуйте!
Я от воды бежал к воде?
А где Она? Волна та—где?
Выходит, преобразовалась
Волна во пса? И загнала
меня обратно в воду? Жалость.
А где Она? Она ж была
со мной. Бежала. Испугалась,
увидев пса, и вмиг исчезла...

(Я сон подробно описал.
Абсурд? Абсурд. А если честно...
Всё—оттого, что невозможно
не вспомнить мне её лица.)
Спиною чувствую его.
Его тепло, его сиянье.
Себя отдав на осмеянье,
рубашку сняв, иду нагой.
Держу рубашку, как хоругвь:
а вдруг на ней, как соль от пота,
проявится лицо? Умру
блаженнейшим из идиотов.

Графин пунша

Я рад был, что не было скрипача,
которого ты обещала.
«У скрипача—обеденный час»,—
а скрипка в футляре лежала.

Да, я ревновал. Я думал, что он—
твой предыдущий любовник.
И всё подливал ему в мыслях бульон—
ещё и ещё половник.

Скрипач ел на кухне бульон не спеша...
Когда ж своё сытое тело
он вынес к нам, тяжело дыша,
душа моя скрипкою пела!

Увидев его, ты фыркнула: «Фи!»
И мы удалились тут же,
оставив на столике целый графин
тобою любимого пунша.

Церковь

Остов церкви пустотелой
расширенной за счёт
вынутого из неё убранства
Под куполом шпалы крестообразно
парят в лапках сизокрылого Духа Святого
вращаясь время от времени
как колесо истории
то в одну то в другую сторону
Изнутри стены церкви
подпирают столбы солнца
«Верхний камень лежит без раствора
но держится нижними
и скрепляет всю арку»,—
говорю я старушкам
идушим за мною
между каменных куч
человеческого дерьма
и чадающих углей
прибитых кипящей мочою
На стенах
с остатками фресок
сортирная порнография
«Когда тут можно будет помолиться?
Ждём не дождёмся...»
(Крест из двух шпал
разворачивается над нами
как бы прицеливаясь...)
«Молитесь прямо сейчас.
Сейчас даже лучше.
Посреди».

Мне казалось, молчанье моё
будет длиться и длиться,
пока слово не станет
в гортани моей поперёк.
Вскрывший врач меня скажет:
«Диагноз—самоубийство».
(Впрочем, может быть,
он это слово к концу приберёт.)
Эти мысли приходят ко мне
каждодневной нудою,
что я корчу гримасы
и бешено жму кулаки.
В общем, проще сказать,
занимаюсь такой ерундою,
что когда я об этом пишу,
начинаю краснеть с полстроки.
Но я всё же начну,
а не то задохнусь от удушья,
языком пересохшие губы свои оближу.
Мне уже по лопаткам
колотит за мною идущий.
Не поймёшь: выбивает ли слово моё?
Или просит лыжню?

● ● ●
Я вижу всё, не открывая век.
Вот по моим ресницам ходит человек.

Туда-сюда прогуливаясь, нервно
он смотрит на часы. Кого-то ждёт, наверно.

Вот от безделья он на корточки садится
и заглянуть мне хочет под ресницы.

Ну, это ты шалишь. В слезе жемчужной
он едет вниз соринкою ненужной.

Приходит женщина, взирая любопытно
на что-то, что отсюда мне не видно.

Кричит испуганно:—Любимый. Где ты есть?!
Я открываю рот тихонечко:—Он здесь.

И, сквозь мои усы, она, продравшись, вмиг
мне на губу встаёт и смотрит под язык.

Там шляпа плавает. Она кричит:—Как глупо!
Шутник. Он спрятался в дупло гнилого зуба.

Увидела. Кричит:—Ты жив, любимый мой!
Фу, гадость. Выплюнул обоих со слюной.

Фигурка мальчика

Претензии мои, мои амбиции,
всё тайное и явное во мне
стогорит в нейтронной будущей войне
исписанными от руки страницами.
А как же вы, мои прекраснотицы?
От вспышки только тени на стене
оставите, чтоб говорить с убийцами
и вырождками их о старине?

Экскурсия.

А где-то в стороне—
фигурка мальчика в развалинах.
Он писает.
И дрожь гуляет по его спине
от удовольствия.

Гармонический мир

Завтра утренняя звезда
загорится на синем небе
и проснётся ребёнок
и взволнует звезду своим криком
и звезда расплывётся кругами
и обнимется в небе две зебры
и отделится тигр
без кровавого следа от них
и пойдёт к водопою
и помчатся круги
от лакающей морды
и сойдутся они у звезды
разбужившей ребёнка.